

Илья, как вам живется здесь? — Хороший вопрос. Я думаю, что если этот вопрос вы зададите моим коллегам, тоже живущим здесь, никто вам не скажет на американский манер: "I am o'key!", — если вы хотите честного, искреннего ответа. Всем живется, я думаю, не просто — кто как адаптируется. У меня это проходит довольно трудно. Пока нет возможности засесть за объемную работу, но чем больше проходит времени, тем больше таких возможностей появляется, поэтому я надежды не теряю; думаю, что до конца адаптации мне осталось уже немного. То есть я не имею в виду, что превращусь в американца, но познать и войти в эту жизнь смогу. Завязываются связи, есть кое-какие предложения. Я рассуждаю так: чтобы выйти в России на определенный уровень, добиться признания, мне понадобились десятилетия, а здесь я только три года.

— Некоторое время назад вы упомянули о большой вещи (опере) по новелле Анри Барбюса.

— Да, это блистательная новелла "Нежность" — прямо просится на музыку. Вообще-то Барбюс был сталинист, коммунист, но в то же время — хороший писатель. "Нежность" — любовная история женщины балзаковского возраста, она уходит от молодого любовника, понимая, что для него уже стара, что она его должна опередить, чтобы расставание было менее болезненным. Таков вкратце сюжет, и я действительно работаю над этой оперой.

— Вы — прямой наследник, сын писателя Евгения Петрова, книги которого издавались в Америке. Не может ли это помочь вам материально?

— Это огромная работа, нужен многолетний поиск, и на это рассчитывать не приходится — только на свои силы.

— Илья Ильф и Евгений Петров написали книгу "Одноэтажная Америка", в которой вы теперь живете. Конечно, за 65 лет Америка во многом изменилась, но что-то осталось, не так ли?

— Начнем с того, что я живу не в одноэтажной Америке, а в Нью-Йорке, а Нью-Йорк, говорят, не Америка. И сравнить то, что есть, с тем, что описали они, я не имел возможности — не был в тех местах. Есть у меня серьезная затея: проделать их маршрут — от Нью-Йорка до западного побережья. Они проехали 10 тысяч миль, одноэтажную Америку хорошо рассмотрели. Кстати здесь, в Америке, название этой книжки "Little golden America" — "Маленькая золотая Америка". Ездил Ильф и Петров на автомобиле "Форд", поэтому первое, что я хочу сделать, это связаться с этой компанией, найти спонсоров. Во всяком случае, книгу эту я знаю с детства, и образ Америки для меня очень привлекателен.

— В какой стадии находится ваша с женой книга воспоминаний "Поздно пить "Боржоми"?

— Мы накапливаем материалы, и каждую субботу на радио WMNB вместе с женой рассказываем истории; они записываются, и это — наш материал. Я задумал написать эту книжку тем самым методом, который избрал мой дядя — Валентин Петрович Катаев. Это — мовизм от французского слова «mauvais» — плохо. Он отказался от хронологической логики, связей и оставил лишь ассоциативные связи. Это придаст большее движение, большую свободу всей композиции. Вот этим методом мы сделали на радио две большие передачи. Сперва было опасение, что слушатель эти ассоциативные связи не примет, не поймет. Но ни у кого нет протеста против того, что событие, происшедшее позже, происходит раньше и т.п.

Для читателей газеты хочу рассказать историю об одном из крупных писателей нашего столетия — Юрии

Фото Андрея ЖДАНОВА.

Олеше, которого хорошо знал. Я очень его любил; количество встреч с ним не поддается исчислению, потому что он бывал у нас дома почти каждый день. Как все мы в юности, я был глуп и недаловиден — сейчас вы поймете почему. Мы встретились с Юрием Карловичем в день моего рождения, и я ему сказал об этом. Он как-то вполослился, похмурил меня за позднюю информацию: "Я бы тебе приготовил нормальный подарок, а так..." Он присел на скамеечку, вынул записную книжку и стал что-то писать. Он написал стихотворение — сразу, без единой поправки: он был этим и знаменит, когда работал в "Гудке" под псевдонимом Зубило. Его стихотворные фельетоны были необычайно популярны. И вот я сейчас страшно сожалею, что то стихотворение Олеси утерял...

— Сочинили вы здесь что-нибудь уже как композитор?

— Я написал несколько песен на стихи поэта Бориса Ветрова. Он и там писал стихи, продолжает это и сейчас. Мы встретились с ним буквально в первые дни моего приезда... Я не могу сказать, что это серьезная работа, потому что песнями я занимался от случая к случаю (одна из песен Илья Катаева была весьма популярна — "Стою на полустаночке" из телеспектакля "День за днем"). В России я сам, как это стало модно, исполнял свои песни, хотя голоса у меня нет, а есть, как я говорил, крик души. С другой стороны, моя песня —

как хочу, так и исполняю...

— У вашего дяди, Валентина Катаева, где-то есть весьма путанный рассказ о своей национальности. Не могли бы вы это прояснить?

— Как говорят в Одессе, за дядю не скажу, скажу за себя. Во мне течет и еврейская, и татарская, и французская, и немецкая кровь. Даже, возможно, и китайская, посмотрите на мои глаза. В моем отце и дяде больше татарской крови, а я больше еврей, чем папа, потому что мама у меня на три четверти еврейка. А по советскому паспорту я, как многие, — русский.

— Еще один вопрос, Илья, личного характера. О вашем отце, Евгении Петрове, остались очень теплые воспоминания как о человеке, а вот о Валентине Петровиче Катаеве этого, увы, не скажешь...

— Трудно что-то сказать. То, что он был крупным писателем и крупной личностью, — ни у кого сомнений не вызывает. То, что он был нелюдимый человек и нажил себе массу врагов, — тоже точно. То, что он, как многие, вынужден был приспосабливаться к той власти, — безусловно. Я думаю, сейчас люди шарахнулись в другую сторону: стали святее римского папы. У каждого из нас найдутся грехи, а так как я — человек достаточно религиозный, то могу сказать: "Не судите, да не судимы будете, и тот, кто без греха, пусть первый бросит камень". Я далек от того, чтобы оправдывать или осуждать

КАТАЕВ

— редкая фамилия, доставшаяся к тому же знаменитому писателю. Петровых на Руси — несть числа. Однако один был знаменит не меньше Катаева, и тоже — писатель. Мало того: родной его, Катаева, брат. Вы, конечно, догадались, что Петров — псевдоним Евгения Катаева. И последнее пояснение: Илья Катаев — сын Евгения Петрова. Я разглядывал его, встретившись в первый раз, с той же пристальностью, с каковой лет 20 назад вцепился взглядом в Евгения Борисовича Пастернака, — тут уж пояснять нечего.

Спору нет, "быть знаменитым некрасиво". А چگونه жить под сенью знаменитости? Неуютно. Вы наживаетесь на сквозняке пристальных сопоставлений, толкающих не только к доказательству "достойн", но и к тайному соперничеству с этаким...

Отца Илья не помнит — спустя три года после его рождения, в июле 42-го, самолет, в котором летел военкор Петров, был атакован немецким истребителем, ушел на бреющий полет и, задев за телеграфный столб, упал. Часть пассажиров осталась жива, часть — погибла, в их числе — один из легендарных авторов "Двенадцати стульев" и "Золотого теленка". Ему было 39 лет — ровно столько, сколько Илья Ильфу в год смерти — в 37-м. "Ужасно, как мне не повезло", — одна из последних записей умиравшего от чахотки Илья Арнольдовича. Равно не повезло и его брату по перу. Пожелание-требование Корнея Чуковского — "Писатель на Руси должен жить долго" — родилось именно из-за горькой статистики продолжительности жизни русских писателей. Кое-какое утешение — дети. Жива дочь Илья Ильфа, жив сын Евгения Петрова. Петр Катаев, брат Илья, знаменитый кинооператор (одни "Семнадцать мгновений весны" чего стоят!), увы, тоже умер молодым.

Илья стал композитором по наследству: у отца был абсолютный слух и великолепная музыкальная память: Никита Богословский рассказывал Илье, что как-то отец наизусть спел ему всю оперу "Риголетто".

Илья окончил два факультета института имени Гнесиных (дирижерский и композиторский), написал около 70 больших, малых и средних музыкальных форм и в разгаре музыкальной карьеры бросил все и уехал в Америку.

своих родственников. Они прожили свою жизнь: достойно ли ее они прожили и как мы проживем свою — будет известно только на Страшном Суде. То, что он оставил большое литературное наследие, огромное количество хороших книг, — для меня бесспорно. А делать оценку типа ярлыка я не стану.

— Но вот в истории с Пастернаком он показал себя с очень негативной стороны. Он ведь, я думаю, понимал, что значит Пастернак для литературы?

— Безусловно. Но я сейчас хочу воспроизвести фразу Валентина Петровича, сказанную моей матерью: "Может, к лучшему, что Женя (брат, писатель Евгений Петров. — В.Н.) погиб, потому что, безусловно, он после войны был бы арестован и уничтожен". Он, Валентин Петрович, этого все время опасался. В случае с Пастернаком, видимо, было сильное давление.

— Ну вот Каверин и Чуковский, например, заболели...

— Они не имели все-таки такого положения, как Катаев. Я не оправдываю его поступков — Бог ему судья. Наши отношения как родственников были великолепные, мы любили друг друга. Осиротела семья брата. Кто другой поможет ей, как не он? Он и помогал.

Вот еще такой штрих: с ним опасно было разговаривать. Когда кто-то ненароком подставлялся, он с таким смаком начинал острить... Я пригласил его как-то на

премьеру своей оперы. Мне уже было тогда лет под сорок (Илья Катаев родился в 1939 году. — В.Н.). Я его спрашиваю: "Дядя Валя, придете ко мне на премьеру в Казань?" Он говорит: "Конечно, если здоровье позволит — поеду. Но, может быть, не стоит этого делать, потому что, конечно, ты напешься на радостях, и, конечно, когда ты будешь выходить кланяться, упадешь в оркестровую яму, и, конечно, свалишься на самую дорогую арфу. А так как у тебя денег нет, то платить придется мне, а я из принципа не захочу этого делать, и нас обоих посадят в тюрьму". Вот какая фантазия разыгралась у Катаева! И, что самое удивительное, он оказался пророком: я, правда, не падал в оркестровую яму и не напивался, но накануне премьеры помещение театра было отдано для какого-то мероприятия ПТУ, и ребяташки сломали все контрабасы. Нам пришлось срочно выкручиваться, и, как мы это сделали, теперь уже не помню. Ну а после премьеры был, конечно, банкет, и тосты, и все подобное. И мне подарили на память заднюю деку одного из сломанных контрабасов. Кстати, это одна из историй, которая войдет в книгу "Поздно пить "Боржоми".

— Несклько слов о Союзе композиторов.

— Он давал единственную существенную вещь: право не работать. Да, вот еще одна любопытная деталь. Если ты за время пребывания в Доме творчества композиторов написал произведение и представил его на комиссию, то это пребывание для тебя было бесплатным. Потом это правило отменили.

— Как готовят композиторов здесь?

— В Нью-Йорке, пожалуй, наиболее интересное учебное заведение в подготовке композиторов — это Менос-колледж. Да-да, не "Джурлард" и не "Манхэттен мюзик скул", а Менос-колледж. Там собрались сильные педагоги. И еще один момент: здесь, в Штатах, советские дипломы недействительны, кроме гуманитарных. Мне, например, музыканту, достаточно представить копию своего диплома на английском языке, и я получаю магистр.

Что касается непосредственно композиторского образования, я думаю, оно серьезно. Судить я могу хотя бы по образованию одного моего приятеля — американского композитора. Он прекрасно знает все те дисциплины, что изучали мы. Ведь музыка — это, с одной стороны, искусство, с другой — наука. Есть чисто композиторские дисциплины, которые необходимо знать. Например, курс полифонии. Или курс акустики: природа звука и так далее. И они это знают. А вообще Америка — страна парадоксов. На школьном уровне ребята получают слабое музыкальное образование. Занятия один раз в неделю, педагоги — не мастера своего дела. Скрипка может, к примеру, преподавать фортепиано — лишь на том основании, что когда-то взял курс общего фортепиано.

— Хорошо, давайте теперь поговорим о том, что ближе мне, журналисту. Вы читаете русскоязычную прессу?

— Время от времени. Сперва читал "Новое русское слово", потом перестал. Вообще коллег не принято ругать, а я считаю себя журналистом, но: "Платон мне друг, но истина дороже". Меня раздражают многочисленные опечатки в "НРС", хотя этим болеет вся русская пресса.

— А о "Московском комсомольце" помните?

— Конечно. Моя близкая приятельница Наташа Лагина — дочка знаменитого автора "Старика Хоттабыча" Лазаря Лагина — работала в "МК", была талантливым журналистом-музыковедом и как-то написала обо мне — поэтому я эту газету помню. Шушу, конечно...

Беседовал Владимир НУЗОВ.
Нью-Йорк (спец. для "МК").